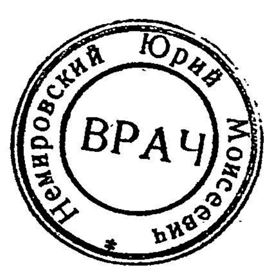
ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

Проф. Е. БЛЕЙЛЕР

АУТИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Перевод с немецкого
— и предисловие —
д-ра Я. М. КОГАНА

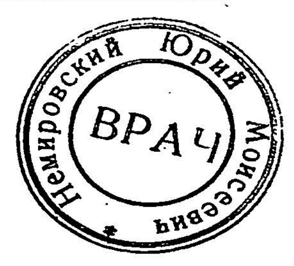

ОДЕССА—1927.

Окрліт (Одеса) № 841.

Друкарня колективу безробітн. друкарів „Поліграф“, Одеса, вул. Леніна, № 31.

Зам. № 77. Тираж 1000 прим.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Проф. Блейлер, недавно (1923) праздновавший 25-ти-летний юбилей своей академической деятельности, вполне заслуженно пользуется мировой известностью, как один из самых выдающихся психиатров нашего времени. С его именем неразрывно связано учение о группе шизофренических заболеваний, углубившее наше понимание выделенной Крепелиным нозологической формы dementia praecox; немалая заслуга принадлежит проф. Блейлеру в изучении той роли, которую играет аффективность в человеческой психике; совместно с Юнгом Блейлер перенес ассоциативный эксперимент из области психологии в психопатологию, результатом чего явилось экспериментальное подтверждение целого ряда данных, добытых с помощью психоаналитического исследования. Вообще в истории психоаналитического движения проф. Блейлер сыграл весьма значительную роль. В период, когда психоанализ начал только получать широкое распространение, когда он встречал на первых порах либо страстное отрицание, либо в

лучшем случае недоброжелательное отношение, когда с легкой руки Гохе модным считалось говорить о психоанализе, как о „психической эпидемии" среди врачей, — тогда Блейлер открыто выступил в защиту психоанализа и заявил о своем принципиальном согласии с основными положениями психоанализа. И если в ряде второстепенных вопросов Блейлер и несогласен с Фрейдом, если он выдвигает свое собственное об'яснение для ряда второстепенных моментов, то в целом и основном он оценивает концепцию Фрейда, как одно из величайших достижений человеческой культуры. Позиция Блейлера в отношении к психоанализу была настолько определенна, что противники психоанализа бросили ему упрек в том, будто он своим авторитетом придает психоанализу научный вес (!). Быть может лучше всего сослаться на самого Блейлера и привести цитату, в которой он четко и ясно определяет свое отношение к психоанализу: „Фрейд заложил целый ряд основ, которые уже сейчас придали науке совершенно другой вид, что между прочим относится также к его противникам, поскольку они вообще считаются с психологическими факторами. Без этого психопатология вообще осталась бы без движения. Как во всяком новом научном течении не все то, что Фрейд внес, абсолютно ново, однако, он первый довел это до той степени ясности, которая дает возможность сделать данное воззрение основой дальнейшего

изучения. Сюда относятся: роль бессознательного, принципиальное требование психологического понимания всех психических симптомов и указание, что последнее может быть достигнуто изучением всех психических явлений, даже и в бессознательных движениях, снах и т. д.; ясное понятие вытеснения, значение внутренних конфликтов; неограниченное временем действие, которое аффективное переживание оказывает и в дальнейшем; перевод аффекта на представления ему до того чуждые; понятие умственного сгущения; более определенное выделение, хотя и не полное выяснение понятия конверсии (превращение вытесненных аффектов в физические симптомы), отреагирование; важно еще, что Фрейд порвал с обычаем существовавшим раньше по возможности игнорировать половую жизнь в научных вопросах и оттенил (может несколько чрезмерно) значение половой жизни" (Руководство по психиатрии. Берлин. Изд. т-ва „Врач". 1920. Стр. 433).

Проф. Блейлер не только предоставил для целей психоаналитического исследования психиатрическую клинику, директором которой он состоял, он не только включил психоанализ в круг преподавания психиатрии. В его собственных исследованиях, как, например, в капитальной работе о шизофрении, „психоаналитические методы и взгляды занимают такое же место, как и клинически систематические". В специальной работе „Freudsche

Mechanismen in der Symptomatologie von Psychosen“ (Psychiatr.-neurol. Woch., 1906), он показал, что целый ряд психопатологических феноменов может быть об'яснен с помощью тех же механизмов, которые были открыты психоанализом при изучении психологии неврозов и сновидения.

Из клиники проф. Блейлера вышли такие выдающиеся последователи психоанализа, как д-р Эйтингон и недавно скончавшийся берлинский психоаналитик д-р Карл Абрагам.

С 1909 — 1913 г.г. Блейлер совместно с Фрейдом состоял издателем первого психоаналитического журнала „Jahrbuch für psychoanalyt. und psychopathol. Forschungen“. В этом же журнале (1912) была впервые напечатана настоящая работа Блейлера об аутистическом мышлении, которая была вскоре переведена на английский (Autistic thinking. Americ. journ. of insanity 69. 1913) и итальянский языки (Sul pensiero autistico. „Il manicomio“, Archivio di Psychiatria e Scienze affini 30. 1915). Статья эта помимо своей научной ценности важна еще и тем, что она занята разработкой вопросов, относящихся к области чистой психиатрии, а не психотерапии, как большинство других психоаналитических работ.

Сам Блейлер неоднократно указывал на то, что он убедился в правильности многих психоаналитических положений лишь при практической проверке их на клиническом материале. Такое заявление весьма авторитетного психиатра лишний раз

служит подтверждением тому, что ознакомиться с психоанализом на основании одних только литературных источников невозможно и что на оценку и критику психоанализа имеет право лишь тот, кто после достаточной теоретической подготовки занимался практическим приложением его на живом человеческом материале, будь то в области психопатологии, психологии или педологии.

Д-р Я. Коган.

Одесса,
25 сентября
1926 г.

Аутистическое мышление.

Одним из важнейших симптомов шизофрении является преобладание внутренней жизни, сопровождающееся активным уходом из внешнего мира. Более тяжелые случаи полностью сводятся к грезам, в которых как бы проходит вся жизнь больных; в более легких случаях мы находим те же самые явления в меньшей степени. Этот симптом я назвал аутизмом*). Шизофренический мир сновидений на

*) Bleuler, Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien. Aschaffenburgs Handbuch der Psychiatrie. Wien, Deuticke, 1911. В довольно большой части аутизм покрывается понятием Юнга „интроверзия“; это понятие обозначает обращение внутрь либидо, которое в нормальных случаях должно искать об'екты в реальном мире; однако, аутистические стремления могут направляться и на внешний мир; таковы, например, случаи, когда шизофреник-реформатор хочет перестроить общество и вообще постоянно стремится к активному участию во внешнем мире, когда маленькая девочка превращает в своей фантазии кусок дерева в ребенка, когда человек одушевляет об'екты или создает себе бога из абстрактной идеи.

Эта статья была написана до появления в свет работы Юнга „Über die zwei Arten des Denkens“ (Jahrbuch für psychoanalyt. und psychopathol. Forschungen, III. стр. 124, 1911). То, что я называю логическим или реалистическим мышлением, Юнг на-

яву имеет свою форму мышления, я сказал бы, свои особые законы мышления, которые до настоящего времени еще недостаточно изучены; при более внимательном рассмотрении оказывается, что тот же самый уход от окружающей обстановки вообще обусловливает большинство шизофренических дефектов мышления и способствует возникновению бредовых идей. Мы наблюдаем действие этих механизмов кроме того и в обычном сновидении, возникающем в состоянии сна, в грезах на яву как у истеричных, так и у здоровых людей, в мифологии, в народных суевериях и в других случаях, где мышление отклоняется от реального мира. От

зывает направленным мышлением, аутистическое мышление он называет грезами или фантазированием. „Первое работает для установления контакта с помощью словесных элементов, оно кропотливо и утомительно, второе работает, наоборот, без труда так сказать, самопроизвольно, с помощью воспоминаний. Первое создает новые достижения, приспособления, имитирует действительность и пытается видоизменить ее. Второе, наоборот, уходит от действительности, освобождаст суб'ективные желания и совершенно непродуктивно в смысле приспособления к реальной жизни“ (стр. 136). Сущность этих мыслей совпадает с моим пониманием. Однако, существуют и некоторые отличия, из которых я укажу лишь на следующие: аутистическое мышление может, на мой взгляд, тоже быть направленным; можно также, не переводя понятий в слова, мыслить направленно и реалистично (логично) подобно тому, как можно мыслить аутистически в словах. Следует подчеркнуть, что именно слова и их ассоциации часто играют очень важную роль в аутистическом мышлении.

фантазии мальчика, который, сидя верхом на палочке, изображает собой генерала, переходя к поэту, который стремится в своем художественном произведении отреагировать несчастную любовь или превратить ее в счастливую любовь, вплоть до истерика, находящегося в сумеречном состоянии, и до шизофреника, который исполняет галлюцинаторным путем свои самые неосуществимые желания, существует целая скала переходов, отличающихся друг от друга по существу лишь в количественном отношении.

Параноидная пациентка Б. С. в работе Юнга о раннем слабоумии*) является Швейцарией, она также—Ивиков журавль; она—владелица всего мира и семиэтажной фабрики банковых ассигнаций; она также—двойной политехиикум и заместительница Сократа. Больному, сутяжнику, мы при каждом удобном случае говорим весьма определенно, что мы считаем его душевно-больным и что мы дали в этом смысле свое заключение; он же при каждом удобном случае заявляет столь же определенно, что мы дали о нем заключение, как о душевно-здоровом, и говорили ему об этом во время каждого визита; в конце-концов, нам приходится оставить его в покое. Парикмахер-подмастерье изобрел телефон, телеграф, паровые машины и множество других приспособлений, которые функционировали уже за-

*) Jung, Die Psychologie der Dementia praecox. Halle, 1907, Marhold.

долго до его появления на свет. Женщина чувствует, что ее посещает ее жених, Иисус Христос, и в то же время она сама—милосердный бог.

Все это кажется, на первый взгляд, полной бессмыслицей, и действительно является бессмыслицей с точки зрения логики. Но если мы присмотримся внимательнее, то мы найдем в каждом случае понятные связи: мысли по существу подчиняются аффективным потребностям, т. е. желаниям, а иногда и опасениям; пациентка является Ивиковым журавлем, потому что она хочет освободиться от чувства виновности и порочности; она Швейцария — потому что она должна быть свободна. Идеи сутяжника, изобретателя, христовой невесты непосредственно выражают исполненные желания. Итак, бредовые идеи шизофренчка представляют собой не случайное нагромождение мыслей, не беспорядочный „бредовый хаос", как это может показаться при поверхностном рассмотрении, хотя они и не systematизированы подобно бредовым идеям параноика в цельное логическое построение, фундаментом или краеугольным камнем для которого служит ложная предпосылка или неправильный вывод; напротив того, в каждом отдельном случае они являются выражением одного или нескольких определенных комплексов, которые находят в них свое осуществление или которые пытаются с их помощью преодолеть противоречия окружающей обстановки. Конечно, в деталях мы находим множество других нелогичных связей, которые

не обусловлены или лишь косвенно обусловлены комплексами: чисто случайная связь мыслей, которая внешне принимает форму логического развития, ассоциации по созвучию, идентификации различных понятий, нагромождение символов и т. п.

Рассмотрим другой случай. Кататоник, пользующийся правом свободного выхода из здания психиатрической больницы, отправляется однажды в гостиницу, занимает самый лучший номер и ложится в кровать. Он ждет принцессу, которая должна сочетаться с ним браком, и настойчиво протестует против всех возражений и против насилия, которое должно быть применено для того, чтобы водворить его из брачного ложа в психиатрическую больницу. Наш пациент мыслил реальными вещи, которые здоровый человек мог желать лишь в сказочной ситуации, осуществить которую обещала ему добрая фея, и что столь же важно, он совершенно игнорировал то обстоятельство, что он—невзрачный бедняга и кроме того обитатель психиатрической больницы, что принцесса может столь же мало, как и другие люди, венчаться изо дня в день без соблюдения формальностей, что неприглядная гостиница мало подходит к желательной для него ситуации, что его не потерпят в гостинице, если он не сможет представить никаких доказательств, которые подтверждали бы его заявления и т. д. Тот же пациент исписывает в течение ряда лет огромное количество бумаги разными числами. За каждый день,

в течение которого мы задерживаем его в больнице, он претендует на высокое вознаграждение. Наш долг за каждый день составляется из большого ряда сумм, каждая из которых настолько велика, что он не может выразить ее в обыкновенных числах. Каждое из чисел, являющееся на его взгляд небольшим, занимает целую строку. Но каждое число должно пониматься не в обычном значении, оно обозначает лишь места тех цифр, которые должны будут приниматься в расчет, следовательно, если перевести это на наше обычное исчисление, то получится огромное число, которое даже не может быть прочитано. Единица с 60 нулями символизирует для него, таким образом, долг, исчисляющийся в децилл-лионах. С помощью этих бредовых идей пациент осуществляет свои желания относительно любви, могущества и невероятного богатства и не считается со всеми теми невозможностями, которые стоят на пути к осуществлению его желаний, и с тем хотя бы обстоятельством, что на всем земном шаре нет таких несметных богатств; бесполезно указывать ему на эти препятствия, хотя этот человек был раньше вполне интеллигентным и в некоторых отношениях остается еще и сейчас таковым.

В первом случае с принцессой больной пытается еще привести свое желание в связь с действительностью, он готовится к бракосочетанию. Во втором случае он довольствуется бухгалтерией, не предъявляя своих требований; думает ли он, что в бу-

дущем он действительно получит свой долг или нет — этого он сам не знает. Но многие больные идут еще дальше: желание является для них актуальной действительностью: вот один такой супруг небесной королевы, творец неба и земли; он не чувствует противоречия с действительностью; пациент не делает также никаких попыток повлиять на внешний мир в смысле своей идеи. Такие больные живут, не говоря о простых отправлениях, как сон и еда, исключительно в мире своих идей и иногда чувствуют себя счастливыми в нем.

Таким образом, аутистическое мышление тенденциозно. Оно отражает осуществление желаний и стремлений, устраняет препятствия и превращает невозможное в возможное и реальное. Цель достигается благодаря тому, что для ассоциаций, соответствующих стремлению, прокладывается путь, ассоциации же, противоречащие стремлению, тормозятся, т. е. благодаря механизму, зависящему, как нам известно, от влияния аффектов. Для об'яснения аутистического мышления нет необходимости в новом принципе. Само собой разумеется, что важную роль играет здесь аффективность, так как тенденция, стремление является только центрифугальной стороной того же самого процесса, который мы с интрацентральной стороны обозначаем, как аффект.

Поэтому между аутистическим и обычным мышлением не существует резкой границы, так как в

последнее мышление очень легко проникают аутистические, т. е. аффективные элементы.

Не только маниакальный больной склонен к переоценке своей личности вследствие своей болезненно повышенной эйфории, не только меланхолик высказывает бредовые идеи самоуничижения вследствие своей депрессии, но и душевно-здоровый человек очень часто делает неправильные выводы в зависимости от настроения духа, от своих симпатий и антипатий. Обывательские представления о психиатрических больницах прямо-таки аутистичны в связи со страхом, испытываемым перед душевно-больными, с боязнью находиться взаперти и тому подобными аффектами. Даже в науке часто доказывают то, во что охотно верят, и все противоречащее этим доказательствам легко игнорируется. Все, что невыгодно для человека, отклоняется им даже в том случае, если основания к этому не имеют ни малейшей ценности с об'ективной точки зрения. Возражения, приводившиеся с большим усердием умными людьми, против введения железных дорог, против учения о гипнозе и внушении, против абстиненции, против учения Фрейда, составляют весьма интересный материал для трагикомедии духовной жизни человечества. Для того, чтобы опровергнуть грубые софизмы, доказывавшие в течение столетий существование бога, на свете должен был появиться Кант.

Если аутизм и может давать выражение всем тенденциям, то все же существует большая разница

между положительными и отрицательными стремлениями, которая лучше всего выявляется на примере аффектов. Правда, и отрицательные аффекты имеют тенденцию удерживаться, способствовать появлению соответствующих им представлений и тормозить появление несоответствующих представлений; конечно, опечаленный человек может настолько погрузиться в свою боль, что он ищет еще бóльшей боли; однако, в общем наше стремление направлено все-таки к тому, чтобы доставить себе по возможности больше удовольствия и по возможности скорее избавиться от неудовольствия, если оно существует; при обычных обстоятельствах мы прежде всего стремимся к переживаниям, связанным не с неудовольствием, а с удовольствием. Здоровый человек в нормальном настроении духа не легко выдумает печальную сказку, героем которой он являлся бы.

Таким образом, само по себе получается, что аутистическое мышление в общем и целом практически является исканием представлений, окрашенных удовольствием, и избеганием мыслей, связанных с болью, и тогда становится понятным, что Фрейд*)

*) Положение о двух принципах психической жизни. (Русский перевод см. Психол. и психоаналит. библ. выпуск III). Я не могу принять выражение „механизмы, связанные с удовольствием“ еще и потому, что действие и мышление в смысле реальности точно также являются механизмами, связанными с удовольствием. Фрейдовские механизмы удовольствия (как и наше аутистическое мышление) отличаются от реальной функции тем, что они доставляют удовольствие не благодаря эмоционально окрашенным переживаниям, а благодаря представлениям о таких переживаниях.

мог описать вполне аналогичное, но только более узкое понятие под названием механизмов, связанных с удовольствием.

Аутистическое мышление в нашем смысле управляется двумя принципами, которые при отрицательных аффектах противоречат друг другу, при положительных же аффектах совпадают в своем действии:

I. Каждый аффект стремится удержаться. Он прокладывает пути для соответствующих ему представлений, придает им преувеличенную логическую ценность, и он же тормозит появление противоречащих представлений и лишает их свойственного им значения. Таким образом, веселый человек гораздо легче ассимилирует веселые идеи, чем печальные, и наоборот.

II. Мы устроены таким образом, что мы стремимся получить и сохранить приятное, а следовательно, и окрашенные удовольствием представления, неприятного же мы избегаем. Поэтому представления, сопровождающиеся неудовольствием встречают подобно внешним неприятным переживаниям защитную силу, которая может вытеснять их in statu nascendi или тогда, когда они проникли уже в сознание. Несмотря на то, что интенсивный аффективный тон сам по себе делает каждое представление ceteris paribus более способным к воспоминанию и осознанию (что не совсем одно и то же), однако, многие представления, интенсивно окрашенные не-

удовольствием*), забываются respective подавляются благодаря действию этого второго механизма именно потому, что они окрашены удовольствием.

Фрейд принял во внимание одни только последние механизмы. Я же полагаю, что понятие представляет собою лишь в более широком понимании одно генетическое целое. Точно такими же путями, как и механизмы, связанные с удовольствием, оказывают свое действие аффекты вообще. Депрессия создает бред самоуничижения так же, как и эйфория—бред величия. Депрессивный шизофреник больше уже не является великим изобретателем, он является виновником всех несчастий, он—акула, он губит всех людей; его не окружают почтением, а бросают сюда другим больным на уничтожение. Какой-нибудь физически обусловленный страх приводит в сонном и лихорадочном состоянии к устрашающим галлюцинациям. Бред преследования не только создает отрицательные чувства, но и сам он, как будет показано в дальнейшем, возникает под влиянием таких отрицательных чувств, которые уже существуют. Все это—процессы, которые могут быть поставлены в связь с принципом удовольствия лишь

*) Это относится к определенным группам представлений, которые я, однако, не могу еще охарактеризовать. Простые неприятные переживания, как перелом кости и т. п. не так легко подлежат вытеснению. Иначе обстоит дело с амбивалентными переживаниями и с такими переживаниями, которые нарушают наше самочувствие, унижают нашу личность, приводят к конфликтам совести и т. п.

с помощью окольных гипотетических путей, с действием же аффектов вообще они могут быть, наоборот, легко и непосредственно приведены в связь. Таким образом, антитеза остается неполной, если принципу реальности противополагается лишь принцип удовольствия и неудовольствия, а не все аутистическое мышление в нашем широком понимании.

Когда аутистическое мышление старается вызывать представления, соответствующие внутренней тенденции, мгновенному настроению или каким-либо стремлениям, то ему нет нужды считаться с действительностью; для этих процессов безразлично, действительно ли что-нибудь существует, возможно ли оно, мыслимо ли оно; они имеют отношение к реальности лишь постольку, поскольку она доставляла и продолжает еще доставлять им материал представлений, с которыми связаны аутистические механизмы или с которыми они оперируют.

Таким образом, аутистическое мышление может давать выражение всевозможным тенденциям и влечениям, которые скрыты в человеке. Так как логика, репродуцирующая реальные соотношения, не является для него руководящим началом, то самые различные желания могут существовать наряду друг с другом, независимо от того, противоречат ли они друг другу, отвергаются ли они сознанием или нет. В реалистическом мышлении, в нашей жизни и в наших поступках большое число влечений и желаний игнорируется, подавляется в

пользу того, что является суб'ективно важным; многие из этих желаний едва ли доходят до нашего сознания. В аутизме все это может получить свое выражение. Самые противоположные желания могут существовать наряду друг с другом и получать даже выражение в одних и тех же аутистических мыслях: быть опять ребенком, чтобы простодушно наслаждаться жизнью, и быть в то же время зрелым человеком, желания которого направлены на большую работоспособность, на достижение власти, на важное положение в свете; жить бесконечно долго и заменить одновременно это жалкое существование нирваной; обладать любимой женщиной и сохранить вместе с тем для себя свободу действий; быть гетеросексуальным и в то же самое время гомосексуальным и т. д. и т. д.

Даже самому справедливому человеку приходят иногда в голову несправедливые стремления. Когда человек видит кучу денег, ему приходит в голову— пусть это будет только в форме шутки—идея присвоить себе это богатство. Другие преступные тенденции, как, например, желание погибели тому, кто в каком-нибудь отношении стоит на нашем пути, будь это любимый нами раньше человек или безразличное для нас лицо—такие тенденции не чужды, по всей вероятности, никому, хотя такие побуждения и не осознаются нами непосредственно. Оказывается даже, что именно подавленные влечения выступают в аутизме с особой силой на первый план. Поэтому,

если мы постоянно находим в аутизме проявления сексуальности с ее перверзиями, то этому нечего удивляться и это не является признаком дурной нравственности ни для анализируемого, ни для анализирующего *). Определенные влечения, как правило, стоят на первом плане, берут верх над другими влечениями и как бы тащат их на буксире; особенно часто перевес получают эротические комплексы и во вторую очередь другие комплексы, осуществление которых невозможно из внешних и внутренних оснований и которые меньше всего могли быть отреагированы в реальной жизни.

Так как в аутистическом мышлении одна доминирующая идея не подавляет или, по крайней мере, не совсем подчиняет себе другие идеи (подобно тому, как это имеет место в реалистическом мышлении), то в продукции одного и того же аутистического представления гораздо легче могут принимать участие различные стремления. Таким образом, определенная картина сновидения, определенные бредовые идеи представляют собой mixtum compositum не только в силу многочисленности и разнородности их составных частей („сгущение"), но и в силу того, что они дают одновременно выражение различным комплексам. Сверхдетерминирование (так назвал Фрейд этот послед-

*) „Гомосексуальный компонент" оказался весьма важным в большинстве случаев шизофрении, которые я подвергнул более подробному рассмотрению (с аналитической точки зрения).

ний феномен) становится здесь явлением, само собою разумеющимся. Однако, и оно не является чем-то, свойственным исключительно аутистическому мышлению. И реалистическое мышление тоже гораздо более сложно, чем оно может показаться после изучения руководств по психологии; благодаря небольшому числу детерминант ассоциация становится в высшей степени строго определенной в том случае, если мы искусственно ограничиваем возможности ее появления, подобно тому как это бывает при разрешении математической задачи. Но, как известно, мы и в данном случае сходим гораздо чаще с рельс, чем это было бы нам приятно.

Второе следствие игнорирования реальности заключается в том, что логические законы оказываются действительными для материала мыслей лишь постольку, поскольку они могут служить главной цели, т. е. изображению неосуществленных желаний, как осуществленных. Противоречия, касающиеся содержания мыслей, еще более грубы и многочисленны нежели аффективные противоречия, которые знакомы нам уже (правда, не в такой степени) из нормальной жизни. Один и тот же пациент может быть мужчиной и женщиной, он—сын, и муж, и отец своей матери, и в конце-концов он отождествляет еще себя с ней самой; пациентка является женой своего земного возлюбленного, но в то же время и женой спасителя и опять-таки самим

спасителем, сидящим одесную бога, а также самим богом. Если такие противоречия могут существовать наряду друг с другом, то нас не должно удивлять, что аутизм пользуется первым попавшимся материалом мыслей, даже ошибочным, что он постоянно оперирует с недостаточно продуманными понятиями и ставит на место одного понятия другое, имеющее при об'ективном рассмотрении лишь второстепенные общие компоненты с первым, так что идеи выражаются в самых рискованных символах; эти символы часто не распознаются и понимаются в их собственном значении, при чем вместо одного представления выступает другое, и дело доходит до настоящих передвиганий *). Пациент из ревности к матери желает смерти отцу; благодаря представлению о „родителе" он отождествляет в этом сочетании отца с матерью и видит теперь мертвой мать. Любовь символизируется согласно общеизвестной аналогии с огнем, что воспринимается шизофреником опять-таки как нечто реальное и превращается у него в галлюцинации сжигания, т. е. в действительные ощущения.

Поразительно также, насколько аутизм может игнорировать временные соотношения. Он перемешивает бесцеремонно настоящее, прошедшее и будущее. В нем живут еще стремления, ликвидиро-

*) Символы используются также и реалистическим мышлением, но при нормальных обстоятельствах всегда существует сознание того, что они замещают собой другое понятие.

ванные для сознания десятки лет тому назад; воспоминания, которые давно уже стали недоступны реалистическому мышлению, используются им как недавние, может быть, им даже отдается предпочтение, так как они меньше наталкиваются на противоречие с актуальностью. В отношении к действительности, т. е. в реалистическом мышлении, многие переживания уже упразднены; нет никакого логического основания считаться с ними при действии или мышлении. Воспоминания же имеют свой эмоциональный тон, который часто усиливается именно вследствие своей противоположности к действительности, и этот эмоциональный тон очень легко превращает незаметным образом представление „когда мой отец еще жил" в другое представление: „мой отец жив". Фрейд говорит, что бессознательное не знает времени; с этим я не согласен, но в отношении к аутистическому мышлению это положение правильно постольку, поскольку аутизм может совершенно игнорировать временные соотношения, однако оно не обязательно их игнорирует.

Противоположность между обеими функциями также и здесь не является чем-то абсолютным. Разумеется, аутизм отнюдь не пренебрегает понятиями и связями, которые даны опытом, но он пользуется ими лишь постольку, поскольку они не противоречат его целям; то, что ему не подходит, он игнорирует или отбрасывает (умерший возлюбленный представляется таким, каким он был в дей-

ствительности, но то, что он умер, не находит себе выражения в аутистическом представлении). Напротив того, аутистические механизмы оказывают влияние даже на наш инстинкт самосохранения; цели наших действий определяются антеципированным удовольствием и неудовольствием или, что то же самое, окрашиванием целевых представлений в удовольствие и неудовольствие; мы стремимся к тому, что кажется нам приятным или полезным или хорошим.

В данном до сих пор описании аутистического мышления я был односторонен постольку, поскольку я предполагал, что оно по существу управляется нашими стремлениями. Разумеется, в патологических случаях вряд ли можно найти другое аутистическое мышление. Но можно представить себе, что этот направляющий момент отступает на задний план. Если солнце изображается с крыльями, потому что оно движется по небу, или даже с ногами, как большинство существ способных передвигаться, то из этого можно, разумеется, конструировать и аффективную потребность, потребность об'яснения движения или потребность изображения. Первая соответствует еще более общему, окрашенному аффектом влечению, вторая существует, конечно, лишь при определенных обстоятельствах. Кажется прямо-таки натянутым предполагать здесь аффективные направляющие моменты в таком же смысле, как и до сих пор описанные. Непосред-

ственным основанием для направления мыслей не являются ни желания, ни опасения, а лишь мгновенные стремления, которые столь же мгновенно могут снова исчезнуть. Даже если ребенок, который слышал, например, что желудок является кухней организма, представляет себе, что в его теле находится кухня на подобие той игрушечной кухни, которая принадлежит его кукле, и что она обслуживается поваром в белом колпаке и сером халате, то и этом случае мы больше не придадим аффективному направляющему моменту существенного значения. Такие представления могут использоваться патологией, но сами они никогда не вызывают патологических симптомов. Напротив того, как в мифологии отдельного индивида, так и в мифологии народов они имеют большое значение. Эта чисто интеллектуальная сторона аутистического мышления изучена еще слишком мало. В этом отношении все изложение нуждается еще в важном дополнении, которого я в настоящее время не могу сделать. До настоящего времени этой темой интересовался только Юнг. Я ссылаюсь на его цитированную выше работу „Über die zwei Arten des Denkens".

Соответственно той почве, на которой вырастает аутистическое мышление, мы находим две разновидности его, касающиеся степени ухода из реальности, которые хотя и нерезко отличаются

друг от друга, но в типической своей форме все же обнаруживают довольно большие отличия. Существенная разница заключается в том, что в одном случае могут диссоциироваться и затем воссоздаваться в произвольной форме даже прочно установленные понятия, а в другом случае этого не происходит. Кроме того в более тяжелой форме число аутистических операций значительно возрастает по сравнению с реалистическими. Аутизм нормального бодрствующего человека связан с действительностью и оперирует почти исключительно с нормально образованными и прочно установленными понятиями. Лишь мифология, в сущности которой заложен момент пренебрежения пространством и временем, распоряжается и этими понятиями весьма непринужденно. Сновидение в состоянии сна и выраженный аутизм при шизофрении совершенно независимы от действительности; они используют и создают понятия, которые составлены из каких угодно особенностей и могут как угодно видоизменяться с секунды на секунду. В силу этого обстоятельства сон и шизофрения могут создать абсолютную бессмыслицу, в то время как прочие аутистические продукции легко доступны пониманию всякого нормального человека, так что он без труда может вдуматься в них.

Вместо целых понятий и предметов сновидение часто приводит нам лишь те составные части их,

которое оно считает необходимыми. Даже собственная личность часто мыслится не полностью; человек часто не знает, в каком положении он был, в стоячем или лежачем и т. д.; сновидящий редко создает себе одежду, даже когда он не мыслит себя обнаженным. Лица, участвующие в сновидении в большинстве случаев составлены из особенностей, свойственных другим лицам. В представлении больного, страдающего ранним слабоумием, врач может мыслиться в своей настоящей роли, и в то же время он может мыслиться тем же самым больным, как духовное лицо Н, как сапожник Н, а часто еще и как возлюбленная больного. Диана Эфесская является иной, чем Диана Афинская. Аполлон является единой личностью, однако есть и такой Аполлон, который раздает только тепло и свет, и другой Аполлон, который опустошает и умерщвляет, и даже известен Аполлон женского рода. Так же обстоит дело с предметами и предметными представлениями, а равно и с абстрактными понятиями. Понятия замещаются одно другим, потому что у них есть один какой-то, часто второстепенный общий компонент; таким образом дело доходит до запутанного образования символов. Нормальному человеку еще понятно, когда любовь, а иногда и любимый человек изображаются с помощью ясно видимого и ощутимого горения. Другие символы гораздо более трудны для понимания.

В этих же состояниях гораздо более полно

выступает пренебрежение реальностью и логикой. Сновидение, шизофренический делирий могут быть совершенно бессмысленными также и в смысле связывания идей и ставить в один ряд грубейшие противоречия, в то время как аутистические фантазии истериков, людей, страдающих псевдологией, и здоровых людей могут казаться вполне разумными и понятными за исключением отдельных логических недочетов.

Материалу представлений, которым пользуется аутизм в сновидении и при шизофрении и который передает действительность лишь в отрывочном виде, обязана своим возникновением существующая в обоих состояниях диссоциация в ассоциациях, относительно природы которой я не могу здесь распространяться*).

Следует, однако, отметить, что состояния, сопровождающиеся глубокой невнимательностью могут вызывать диссоциации, которые в частности не отличаются от обоих вышеназванных нарушений, и что мифология, которая все же лишь в незначительной части может быть сведена к идеям сновидения, прибегает к самым запутанным символизмам и расщепленности понятий.

Следовательно, в настоящее время мы принципиально не можем еще отделить в этом отношении

*) Ср. Фрейд. Толкование сновидений. (Изд. „Современные Проблемы". Москва, 1913) и Bleuler, Dementia praecox. (Aschaffenburgs Handbuch der Psychiatrie, Deuticke, Wien).

аутизм при шизофрении и в сновидении от остальных форм аутизма, однако, в количественном отношении существует настолько большая разница, что обе эти группы кажутся нам существенно отличными*).

Особое место занимают бредовые образования при органических душевных заболеваниях. Мы видим здесь совершенно эксцессивное действие аффекта: маниакальные состояния продуцируют выраженный бред величия, депрессивные состояния — выраженный бред самоуничижения. Уменьшение числа одновременно существующих представлений и ассоциаций (что иногда называют неправильно диссоциацией) дает этим бредовым идеям исход в слабоумие в отличие от бредовых

---

*) Юнг и Фрейд склонны об'яснять диссоциацию при шизофрении и в сновидении влиянием аффектов. Неоформленный материал мыслей существует уже и у здорового человека в бодрственном состоянии, и им предпочтительно пользуется аутистический механизм; или же этот материал создается вследствие потребности аутизма. Я же склонен думать, что во сне и при шизофрении существует первичная диссоциация, которая делает возможным ненормально повышенное — аутистическое — влияние аффектов. За взгляд Фрейд—Юнга говорит то обстоятельство, что довольно значительная диссоциация встречается уже у здоровых людей, например, при мифотворчестве и при отвлеченном внимании. В пользу нашего взгляда говорит то обстоятельство, что расстройства при раннем слабоумии и в сновидении все же гораздо более глубоки, нежели у невнимательных людей, и что мы можем доказать нарушения ассоциаций даже в таких случаях шизофрении, где мы не видим никакого влияния аффекта или невнимательности.

идей при маниакально-депрессивном психозе, благодаря чему первые часто приобретают большое сходство с шизофреническим бредом. Однако, отличия между ними существуют даже в случаях уже сформировавшегося бреда, так что при обычном течении заболевания обе группы болезней могут быть распознаны и по структуре бреда. Тем не менее очень трудно дать общую характеристику этого отличия. Для нас важно, что при органических заболеваниях не происходит собственно разрушения понятий, что при них нет расщепления личности и ухода из внешнего мира, так что дело редко доходит до истинного аутизма.

При формах идиотии аутизм не играет никакой отличительной роли; в этом отношении мы видим здесь те же самые вариации, что и у здоровых людей, но только на более низком интеллектуальном уровне. Трудности могут возникать лишь при менее глубоких степенях слабоумия, при которых неясные образования понятий могут быть равнозначны расщепленным понятиям при шизофрении и допускают в силу этого отождествление, например, совершенно различных вещей.

Аутизма при разнообразных эпилептических состояниях я не могу описать за отсутствием достаточного опыта.

Аутистические мысли могут являться беглыми эпизодами длительностью в несколько секунд, однако, они могут заполнять собою всю жизнь и почти

совершенно вытеснить действительность, как это имеет место у слабоумного шизофреника, который живет лишь в своих грезах и позволяет себя кормить и одевать. Между этими крайностями существуют всевозможные переходы. Представляет ли собой аутистический мир нечто цельное или же он состоит из отдельных беглых мыслей, из изолированных бредовых идей и обманов чувств, нарушающих то здесь, то там реалистическое мышление, но поскольку он доходит до сознания, он является для больного **реальностью**, отношение которой к настоящей действительности не поддается общему описанию. В истерическом сумеречном состоянии непосредственное восприятие внешнего мира в большинстве случаев измышляется вполне последовательно в духе аутизма: пациентка находится на небе, общается со святыми, и все впечатления органов чувств, которые противоречат этому, претерпевают иллюзорное превращение в духе основной идеи или же вовсе не апперципируются. Шизофреник в большинстве случаев смешивает оба мира в нелогичной форме; там, где он сознает противоречия, доминирующим для него является мир бредовых идей, тот мир, которому принадлежит бо́льшая реальность и соответственно которому он прежде всего поступает. Правда, когда его энергия ослабевает, то длительные и последовательные влияния окружающей среды снова получают об'ективный — но не суб'ективный — перевес: больной во многом

приспособляется к окружающей его обстановке психиатрической больницы и мирится с действительностью, с плохим уходом за ним, он довольствуется неподходящими для него работами, но внутри своего „я“ он продолжает быть царем Европы, вокруг которого вертится весь мир, и сан царя попрежнему является для него чем-то настолько важным, в сравнении с чем мелочи больничной жизни вообще не могут приниматься в расчет. В очень многих отношениях, хотя и не при каждом (внутреннем или внешнем) переживании, границы между реальным и аутистическим миром стираются у шизофреника настолько, что часто получается определенное впечатление, будто для больных эта противоположность больше не существует. Хотя аутистическому миру оказывается аффективное предпочтение, однако они больше не ощущают логического отличия, подобно тому как некоторые шизофреники проверяют, осуществлены ли в реальности их сновидения, пережитые ими в состоянии сна, хотя они знают, что речь идет лишь о переживаниях, связанных с сновидениями.

Вне шизофрении аутизм имеет несколько иное отношение к действительности. Больной, страдающий псевдологией, тоже создает себе более или менее произвольно сказку и расказывает ее, следуя отчасти побуждению определенных внешних ситуаций; он использует ее, например, для того, чтобы раздобыть себе денег обманным путем. При этом он

настолько вчувствуется в свои небылицы, что „он сам верит в свою ложь“, и часто в течение долгого времени не сознает, что он играет неподходящую для себя роль, однако, как только он захочет или как только он бывает вынужден создавшимися условиями (например, при исследовании), он может постигнуть ошибочность этой фикции во всех отношениях.

Большинство нормальных людей создавало себе в юности какую-нибудь сказку; однако, они могли всегда отделить ее от действительности, хотя они настолько вчувствовались в эти грезовые ситуации, что они испытывали соответствующие аффекты. Это — нормальный аутизм. Игра фантазии сама по себе может быть аутистичной или реалистичной. Новая комбинация соответствующих действительности идей, построенная по аналогии с реальными связями, приводит к новым познаниям, которые мы называем изобретениями или открытиями в том случае, если они имеют некоторое значение. Этот процесс не является аутистическим. Но то, что обычно понимают под игрой фантазии, пренебрегает в одном или во многих пунктах действительностью и пользуется для этого произвольными предпосылками; этот процесс аутистичен. Чем больше предпосылок и связей, не соответствующих действительности, делается в ходе мыслей, тем более он аутистичен. Следовательно, существуют степени аутистического мышле-

ния и переходы к реалистическому мышлению, однако, в том лишь смысле, что в ходе мыслей аутистические и реалистические понятия и ассоциации могут встречаться в количественно различных отношениях. Исключительно аутистического мышления в области чистых понятий, которые были бы заново созданы аутистическим путем и нигде не были бы связаны между собой согласно логическим законам, разумеется, не существует.

Истерики могут, подобно людям, страдающим псевдологией, временами верить в созданные ими сказки, даже не находясь в сумеречном состоянии; но разграничение между действительностью и аутистическим представлением в большинстве случаев проводится у них достаточно резко в отличие от Pseudologia phantastica. Истерический аутизм переходит без резкой границы, с одной стороны, в нормальные грезы наяву, а, с другой стороны, в истерическое сумеречное состояние.

Поэт, истинный поэт по крайней мере, делает то же самое. Он отреагирует более или менее сознательно свои комплексы, свои аффективные потребности в художественном творчестве.

В большинстве игр детей аутизм принимает участие в такой же степени, как и в творениях поэта. Для маленькой девочки несколько тряпочек являются ребенком; мальчик изживает свое инстинктивное стремление к могуществу и борьбе, прыгая

верхом на палочке с деревянной саблей в руках и т. д. Ребенок и поэт в большинстве случаев вкладывают в свои фантастические продукции больше реальности, чем это может показаться на первый взгляд. Девочка на самом деле любит свои тряпки так, как если бы они были ребенком, которого они изображают; и Клейст заливался горькими слезами, после того, как он описал смерть своей Пентезилеи.

Аутизм и аутистическое мышление у нормального человека обнаруживаются лучше всего при рассмотрении сновидений. И в данном случае не существует никакой связи с действительностью и никакого интеллектуального учета реальных возможностей.

Замечательна мифологическая реальность. Даже тогда, когда в ней содержатся мысли, которые кажутся с точки зрения логики абсолютной бессмыслицей, большинство людей относится к ним с истинной верой; даже выдающиеся умы ставили при конфликтах свою реальность выше мира, воспринимаемого с помощью органов чувств. Отсюда существует целый ряд переходов через понимание символа, за которым скрывается нечто более или менее действительное, и через признание чисто поэтической правды до полного отрицания аутистической реальности.

Аутистический уход из реальности часто бывает активным. В сновидении, где уход этот выражен сильнее всего, он обусловлен, конечно, самым

механизмом сна. При шизофрении и при истерическом сумеречном состоянии он является частичным проявлением самого аутистического механизма. Шизофреник не только хочет представить себе нечто соответствующее его желаниям, он хочет также активно уйти от реальности, которая удручает и раздражает его. Это стремление находит свое выражение в негативизме и во внешней замкнутости от окружающего мира, столь поразительной в некоторых тяжелых случаях шизофрении. Отвращение к внешнему миру и к происходящим извне раздражениям преграждает мыслям больного доступ к представлениям о реальности, а иногда даже и к проистекающим от нее ощущениям, доставляемым органами чувств; с другой стороны, удовольствие, доставляемое определенными ирреальными представлениями, приковывает психику имено к ним.

Многие шизофреники, не обнаруживающие негативизма, обращают свое сознательное стремление к реальному миру, однако, аутистический мир мыслей навязывается им в форме галлюцинаций, бредовых идей, автоматизмов и тому подобных симптомов, выплывающих из бессознательного.

Некоторый уход из реальности существует, разумеется, и в грезах, содержащих в себе осуществление желания, у здорового человека, который строит воздушные замки; однако, в большинстве случаев такой уход из реальности является волевым актом; человек хочет отдаться определенной фан-

тазии, о которой он знает, что это только фантазия, и мечты его рассеиваются, как только этого потребует действительность.

Там, где нет ясно выраженной степени ухода из реальности, я не могу называть игру этого же самого механизма аутизмом. Следовательно, если больной, страдающий маниакально-депрессивным психозом, создает бредовые идеи, соответствующие его настроениям, то мы имеем патологическое преувеличение действия аффекта, аналогичное аффективным дефектам мышления у здорового человека, но отнюдь еще не аутизм в нашем смысле. Вопрос о том, можно ли несмотря на это и в данном случае обозначить аффективное мышление, как аутистическое, остается нерешенным. Если ответить на этот вопрос утвердительно, тогда понятие аутистического мышления станет шире, чем понятие аутизма.

Аутистическое мышление во многих отношениях противоположно реалистическому.

Реалистическое мышление представительствует действительность; аутистическое мышление представляет себе то, что соответствует аффекту, следовательно, в обыкновенных условиях оно представляет себе то, что приятно. Целью реалистических функций является создание правильного познания окружающего мира, нахождение истины. Аутистические функции стремятся вызвать представления, окрашенные аффектом (в большинстве случаев

аффектом удовольствия), и вытеснить представления, окрашенные противоположным аффектом. Реалистические механизмы регулируют наше отношение к внешнему миру; они служат для сохранения жизни, для добывания пищи, для нападения и защиты; аутистические механизмы создают непосредственно удовольствие, вызывая окрашенные удовольствием представления, и не допускают неудовольствия, преграждая доступ представлениям, связанным с неудовольствием. Таким образом, существует аутистическое и реалистическое удовлетворение своих потребностей. Тот, кто удовлетворяется аутистическим путем, имеет меньше оснований или вовсе не имеет оснований к тому, чтобы действовать; он располагает также меньшими силами для действия; отличным примером этого могут явиться здоровые мечтатели и мечтатели-шизофреники. Если аутистическое мышление полностью овладевает человеком, то он внешне кажется апатичным, ступорозным.

Противоположность обеих функций получает особенно ясное выражение в том, что они в известной степени тормозят друг друга. Там, где аффекты получают мгновенный или длительный перевес, логическое мышление подавляется и извращается в духе аутизма. И наоборот: реалистические соображения у нормального человека не допускают победы аутизма. Даже в том случае, если аутистические идеи существуют, здоровый человек все же проводит по возможности точное отграничение их от

реальности, и их влияние на действия человека ограничивается или вовсе подавляется.

Если логическое мышление каким-нибудь образом ослаблено, то аутистическое мышление получает относительный или абсолютный перевес. Мы можем подразделить эти случаи на четыре группы:

1) У ребенка отсутствует опыт, необходимый для овладения логическими формами мышления и для познания возможностей, лежащих во внешнем мире. Если у ребенка появляется фантазия, то она легко получает перевес в смысле аутизма.

2) В вопросах, которые вообще недоступны или не совсем доступны нашему познанию и нашей логике, или там, где аффективность сама по себе получает решающее значение, логика должна соответственно с этим отступить на задний план: в вопросах, касающихся мировоззрения, религии, любви.

3) В тех случаях, где чувства получают в силу каких-либо причин обычно им несвойственное значение, логика отступает в связи с этим на задний план: при сильных аффектах и при невротическом предрасположении respective при неврозе.

4) Там, где ассоциативная связь ослаблена, ассоциации теряют, разумеется, свое значение: в сновидении здорового человека и при шизофрении.

Совершенно особое отношение к аутизму имеет

сексуальное влечение. Уже Диогену, который, правда, имел в виду только физические потребности, пришло в голову, что он может удовлетворяться исключительно аутистическим путем. Есть онанисты, шизофреники, невротики, для которых физический и психический аутоэротизм является заменой нормального сексуального удовлетворения, и среди них есть даже такие, которые находят собственно удовлетворение только в аутоэротизме. Все другие влечения и комплексы не могут быть в действительности удовлетворены аутистическим путем; в грезах и в сновидении можно как угодно живо представлять себе обильнейшую пищу, однако, голода этим надолго утолить нельзя. Это обстоятельство наряду с тем, что сексуальное влечение является несравненно более могущественным, нежели все остальные влечения культурного человека, дает серьезное основание к тому, что аутистическое мышление, по крайней мере, в патологических случаях обслуживает преимущественно эротические комплексы *). Разумеется, этому способствуют кроме того и границы, поставленные выполнению сексуальных действий, в виде аутистического изживания.

---

*) По **Фрейду** сексуальность у человека с самого начала полностью аутоэротична, и необходимо особое развитие, чтобы либидо обратилось во вне, на об'екты. Я отрицаю это не только в силу того, что такое развитие невозможно в **филогенезе**, но и потому, что наблюдение над маленькими детьми показало мне обратное.

В некотором отношении обе эти функции дополняют также друг друга. Там, где действительность не осуществляет наших желаний, аутизм изображает их осуществимыми или осуществленными. Таким путем этика социально живущего человека по необходимости создала понятие справедливости и соответствующую этому чувству потребность, чтобы удовольствие и страдание воздавались по заслугам. Но в природе, в роде, во всем, что не зависит от нашего человеческого распорядка, мы не видим этой справедливости. Этот пробел выполняет религия, которая воздает награду и наказание согласно с нашими принципами справедливости, но делает это в потустороннем мире, куда не может проникнуть реалистическое мышление с его критикой.

Индивидуальный инстинкт самосохранения должен был породить у человека, думающего о будущем, боязнь перед смертью или, положительно говоря, желание бессмертной жизни; религия исполняет и эти желания. Потребность в каузальности, являющаяся одним из важнейших стимулов нашего реалистического мышления, может оказаться неудовлетворенной во многих пунктах, которые кажутся нам особенно важными: этот пробел заполняет мифология.

Логическими потребностями обусловлено то обстоятельство, что понятия дополняются аутистическими элементами там, где они недостаточны

сами по себе; солнце—это человек, раз'езжающий по небу в своей колеснице. Болезнь—это самостоятельное существо, реагирующее на определенное колдовство и т. д. Но чем острее мышление на высших ступенях культуры, тем больше представления, точнее соответствующие действительности, заменяют мышление, оперирующее с помощью таких картин и символов, которые слишком уж часто понимаются в собственном смысле и которые по ошибке легко могут быть сочтены за реальность.

У Фрейда аутистическое мышление стоит в таком близком отношении к бессознательному, что для неопытного человека оба эти понятия легко сливаются друг с другом. Однако, если понимать вместе со мной под бессознательным всю ту деятельность, которая во всех отношениях равнозначна обычной психической деятельности за исключением того лишь, что она не осознается, тогда нужно строго подразделить оба эти понятия. Аутистическое мышление может в принципе быть столь же сознательным, как и бессознательным. Бессмысленные высказывания шизофреников и грезы являются проявлением сознательного аутистического мышления. Однако, в симптомообразовании неврозов и во многих шизофренических процессах аутистическая работа может быть совершенно бессознательной. При неврозах результаты ее выявляются в форме самых различных невротических симптомов, при шизофрении—в

виде первоначальных бредовых идей, галлюцинаций, обманов памяти, навязчивых побуждений и т. д. Конечно, в общем аутистическое мышление является чаще бессознательным, реалистическое же мышление должно по существу регулировать наши отношения к внешнему миру.

Аутистическое мышление отнюдь не всегда полностью достигает своей цели. Оно часто заключает в себе свои противоречия. Некоторые из наших представлений, и те именно, которые окрашены сильными эмоциями, т. е. представления, которые в большинстве случаев побуждают нас к аутистическому мышлению, амбивалентны (т. е. они сопровождаются одновременно отрицательными и положительными чувствами). То, к чему стремятся, имеет и свою неприятную сторону. У любимого человека есть свои недостатки, так, например, он обладает всеми желательными личными качествами, но он не настолько богат, как этого хотелось бы, или наоборот. Жена, которая не любит своего мужа или даже ненавидит его, питает все же к нему положительные чувства, потому, например, что он является отцом ее детей. Желание, представление о том, что муж умер, приносит с собой, следовательно, и тяжелые отрицательные чувства, которые могут обнаруживаться различным образом: в вытеснении всего комплекса представлений, в чувстве страха и разнообразных болезненных симптомах. Наиболее тяжелыми в этом отношении являются конфликты со-

вести. Вполне понятно, я сказал бы даже, простительно, если у жены, встречающей со стороны мужа одно лишь грубое отношение, возникает иногда желание, чтоб муж больше не существовал, и само собой понятно, что ее аутистические функции когда нибудь изображают ей более или менее сознательно в бодрственном состоянии или в сновидении это желание осуществленным, осуществленным с ее помощью или без нее. Такие процессы тоже приводят человека опять к чувству неудовольствия, к угрызениям совести, происхождения которых человек совершенно не знает, так как весь процесс разыгрался в бессознательном. В то время как в реалистическом мышлении человек упрекает себя и раскаивается в совершенной несправедливости, аутистическое мышление порождает те же самые муки в связи с несправедливостью, которую человек лишь представил себе; и эти страдания, в которых человек „уверил“ себя, часто являются тем более тяжелыми, что логика не может притти им на помощь, отчасти потому что речь идет об аутистической, независимой от логики функции, отчасти потому что происхождение этих страданий неизвестно носителю их. Если больной не знает, почему он испытывает страх, то он не может доказать себе, что этот страх безосновселен.

Само собой разумеется, что аутизм, который изображает наши желания осуществленными, должен приводить также к конфликтам с окру-

жающей средой. Можно игнорировать действительность, но она всегда дает снова знать о себе. При условиях, которые не могут быть названы патологическими, аутистичный человек, не принимает во внимание препятствий, стоящих на пути к осуществлению желания, однако, он не реализует желания в форме галлюцинации или бреда; он мыслит слишком оптимистически и поэтому терпит в жизни крах; или же жизнь, которая не дает ему того, к чему он в первую очередь стремится, отталкивает его, и он замыкается в самом себе. При патологических условиях характер этих препятствий должен быть видоизменен с помощью аутистического мышления, если только они не могут быть совершенно игнорированы. В то время как аутизм приводит вследствие осуществления желаний прежде всего к экспансивному бреду, восприятие препятствий должно порождать вышеописанным путем бред преследования.

Аутизм часто является сам носителем тех конфликтов, которые возникают у нас под влиянием аффектов. С нормальным человеком происходит событие, доставляющее ему боль. Эта боль, как и всякий другой аффект, имеет тенденцию, закрепиться, продолжиться дольше, чем вызвавшее ее событие, иррадиировать также и на другие переживания, короче говоря, создать длительное болезненное настроение. Это настроение преодолевается независимо от предполагаемого действия, оказы-

ваемого временем, таким образом, что новые переживания закрепляют свои аффекты. При этом радость может, разумеется, заставить забыть боль или смягчить ее, но лишь до тех пор, покуда радость эта сама существует. Неприятное событие остается при этих процессах способным к воспоминанию, как и всякий другой опыт. Иначе обстоит дело, когда в ход против боли приводится аутистическое защитное приспособление: в большинстве случаев оно отгораживает от сознания боль вместе с представлением, окрашенным болью. Возможно ли таким путем совершенно выключить аффект из мира переживаний — я не знаю. Во всяком случае, как при нормальных, так и при патологических условиях обнаруживается множество таких изолированных от сознания аффектов, и мы видим действие этих аффектов даже в тех случях, когда аффект, как таковой, не осознается носителем его (в мимике, в болезненных симптомах). Из этого мы видим, что, по крайней мере, во многих случаях соответствующие аффекты лишь отщеплены от сознания, но не подавлены, и тогда становится само собою понятным, что и в данном случае налицо имеется присущая всем аффектам внутренняя тенденция овладеть душевной жизнью. Следовательно, „вытеснение" должно (всегда?) поддерживаться аутистическими механизмами, и, наоборот, в проявлениях аутизма всегда выступают вытесненные аффекты или их действие. Шизофреник или даже сновидящий здо-

ровый человек ошибочно верит в смерть близкого человека и поэтому безутешен. У него некогда всплыла идея о смерти этого человека в форме желания, однако она тотчас (обычно еще прежде чем она дошла до сознания) была подавлена, так как она доставляла сильную боль. Теперь она опять всплывает в аутизме и вместе с осуществлением желания доставляет пациенту боль, которой он хотел избежать.

Иногда аутистическое мышление, осуществляя желание, создает симптомокомплекс, который мы называем болезнью. Разрыв с любимым человеком вытесняется, и взамен этого появляется галлюцинация о совместной жизни с ним. Ганзеровский делирий или синдром дурашливости, т. е. бессознательная симуляция могут осуществляться как аутистическим путем, так и путем реалистического мышления. — Однако, для сознательного волевого акта без использования однажды прорвавшихся и продолжающих затем уже самопроизвольно действовать аффективных механизмов было бы невозможно сохранять так последовательно и так долго сложную картину болезни, как это имеет место при Ганзеровском синдроме. Прорыв такого делирия даже отнюдь не всегда соответствует намерениям всей психики в целом, а лишь более или менее подавленному частичному стремлению, реализация котораго иногда приносит больше вреда, чем пользы.

Также и в других случаях цель аутизма заключается в том, что создать болезнь. Эта болезнь должна позволить, например, пациенту избежать пред'являемых реальностью требований, которые слишком тягостны для него (бегство в болезнь). Тогда аутистическая потребность прокладывает себе иногда путь вопреки сознательным тенденциям пациента, которому в действительности болезнь может нанести тяжелый ущерб. Если уклонение от нормы не заходит так далеко, то аутизм позволяет человеку грезить вместо того, чтобы действовать*), заниматься бесцельными вещами, строить планы, которые неосуществимы и в силу этого не должны быть осуществлены, углубляться в неразрешимые проблемы, разрешение которых неважно само по себе или вообще даже не может быть найдено.

Если существующая уже собственно болезнь, например, латентная шизофрения, делает невозможной для пациента нормальную связь с действительностью, то он ищет аналогичного выхода; для меня ясно, что часть симптомов именно при шизофрении является попыткой примирить болезнь с действительностью; Фрейд назвал это неудавшейся „попыткой излечения". Правда, с точки зрения больных, некоторые такие попытки удаются вследствие того, что больные замыкаются от внешнего мира

*) „Понимаешь ли ты, насколько легче благоговейно мечтать, чем хорошо действовать?".

(Лессинг).

и довольствуются галлюцинаторным осуществлением своих желаний.

Все эти разнообразные конфликты, к которым приводит аутизм, образуют почву, на которой вырастает бред преследования. Разумеется, в деталях он имеет довольно много корней, и мы, к сожалению, не можем еще в настоящее время ни дать общую формулу, которая охватила бы все способы его возникновения, ни перечислить все те отдельные моменты, которые содействуют в отдельных случаях его образованию *). Мы не можем также войти здесь в обсуждение таких важных моментов, как проекция чувств и идей в окружающую обстановку. По всей вероятности, однако, бред преследования возникает по большей части (или всегда?) в тех случаях, когда больной встречает препятствия, стоящие на пути к осуществлению аутистического стремления или стремления, способного к реализации. Хотя Б. С. и является свободной Швейцарией, однако она находится взаперти в пси-

---

*) Его содержание в деталях детерминируется самым различным образом, например, встречей с каким-нибудь определенным лицом. Конечно, очень часто направляющим моментом является характер комплекса; так, например, Ференци (Zentralblatt für Psychoanalyse, I, 1911, стр. 559) предполагает, что бред отравления может быть порожден желанием беременности (даже у мужчин). В одном случае старческого слабоумия у бездетной женщины, которая вышла замуж в позднем возрасте, я отчетливо видел эту связь.

хиатрической больнице; ей принадлежит семиэтажная фабрика банковых ассигнаций, но она не получает ни одной ассигнации. Эротоман может сколько угодно думать, что он горячо любим своей принцессой, однако он никогда не бывает с ней вместе. Если такие больные не совсем утратили потребность в причинном об'яснении, то они должны об'яснять эти неприятные для них обстоятельства, будь то логическим или аутистическим путем, как результат враждебных проделок, и притти таким образом к мысли, что их преследуют. — Эта мысль не остается простым заблуждением, а принимает форму бредовой идеи благодаря наличию сопутствующих аффектов *) недовольства, горечи и раздраженности **), которые рождаются из противоречия между восприятием и действительностью; эти аффекты находятся в такой же связи с бредом пре-

*) Логическим путем приходят не к бредовым идеям, а к заблуждениям в том случае, если допущена ошибка. (Ср. Bleuler, Affektivität usw.).

**) Разумеется и преследуемый может испытывать удовольствие от преследования, и в том именно случае, когда он сжился с определенной мученической ролью; последняя может способствовать возникновению и сохранению бреда преследования. Но в общем и целом преследование окрашено отрицательными чувствами, если не депрессивными в смысле меланхолического настроения. При чисто депрессивных состояниях никогда не бывает бреда преследования; если меланхолик думает, что его судят, что ему хотят причинить какое-нибудь зло, то для него это—не враждебное преследование, а—заслуженное наказание.

следования, как и патологическая эйфория и депрессия с бредом величия и самоуничижения.

Однако, и абсолютно аутистичный больной, который видит свои желания осуществленными и находится, например, в галлюцинаторном общении со своей возлюбленной, лишь в очень редких случаях может чувствовать себя вполне удовлетворенным. Для получения наслаждения нужны не только действительные или галлюцинаторные приятные раздражения органов чувств; необходимо также достаточное эйфорическое настроение или способность к выявлению приятных реакций. Оказывается, что процесс раннего слабоумия сам по себе затрудняет образование таких положительных эмоциональных тонов, в противном случае „механизмы удовольствия“ должны были бы гораздо чаще приводить к экстазу или к интенсивному чувству счастья, хотя следует признать, что необходимо обладать некоторой творческой способностью для того, чтобы создать себе совершенный галлюцинаторный рай; этой способностью обладает не всякий, становящийся шизофреником. Физические потребности и физическая слабость точно также часто должны являться препятствием на пути к аутистическому счастью. Конечно, отделаться от них надолго аутистическим путем невозможно; по крайней мере, мы видим, что голод или потребность в мочеиспускании все вновь и вновь дают знать о себе после того, как они получили галлюцинаторное удовлетворение

в сновидении, и наиболее удачное внушение может лишь на время устранить продолжительные, органически обусловленные боли.

Однако, и полное достижение страстно желанной цели редко приносит с собой счастье. Таково положение вещей и в действительной жизни. Кто считал для себя наибольшим счастьем получение состояния в 100.000 марок, тот бывает лишь в исключительных случаях доволен, достигнув этого, и деньги вообще не могут принести с собой счастья, о котором грезил человек. Супруг, являвшийся страстно желанным идеалом, обнаруживает также и неприятные стороны, когда приходишь с ним в более близкое соприкосновение в браке. Должно ли дело обстоять лучше при галлюцинаторных удовлетворениях? При сексуальной любви во внимание должно быть принято еще одно более важное обстоятельство: ее амбивалентность. Эротика (особенно у женщин) имеет также и сильные отрицательные компоненты, которые, как известно, очень легко проявляются в виде страха как при нормальных, так и при патологических условиях.

Из всего этого становится понятным, что несмотря на широкое галлюцинаторное удовлетворение при шизофрении, все же часто наступает бред преследования; и последние выводы показывают, почему любимый человек обычно становится также преследователем.

Аутистическое мышление является также и в бодрственной жизни здорового человека силой, значение которой может быть выяснено лишь с трудом. Хотя наши грезы на яву являются на первый взгляд лишь невинной игрой, однако они отнюдь не остаются без влияния на наши действия и делают в форме иллюзий жизнь прекраснее или сноснее, но в то же самое время и опаснее. Точно также и все чистое искусство имеет свои корни в аутизме, и хотя нелогические вещи не могут играть в нем никакой роли, однако и в данном случае необходима определенная степень освобождения от реальности, и в данном случае движущей и формирующей силой являются чувства*). Религия является аутистическим образованием. Политика у масс, а также у многих вождей весьма мало определяется иногда рассуждением и руководится больше инстинктами, суггестивными и аутистическими психизмами. Таким образом, границы между обеими формами мышления слишком мало изучены даже у здорового человека, и даже он часто теряет прочную почву действительности и становится жертвой аутистических образований, которые вводят его в заблуждение и приносят с собой вред.

В пределах здоровой психики аутизм приносит, конечно, много вреда. Крестовые походы и Тридцати-

*) Ср. Bleuler, Freudsche Mechanismen in der Symptomatologie von Psychosen. Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift, 1906, Marhold, Halle.

летняя война были очень тяжелым кровопусканием для большинства живших тогда культурных народов, и если есть люди, которые остаются после этого жить в монастырях, то весь род людской в целом может столь же мало прокормиться аутистическим путем, как и цыпленок в скорлупе. Разумеется,/существуют еще и многие другие формы (бесполезные идеи о том, как жить или создать себе мнимое удовлетворение), которые облегчают индивидууму жизнь в отдельных отношениях, ухудшая ее в целом/ Так прекрасно расточать свое сострадание вымышленной Гретхен, это не стоит ничего, кроме затраты на театральный билет. Но когда Гретхен приходится в жизни ближе сталкиваться с этими же самыми мечтателями, то перед ней закрываются сердца и карманы, и она получает по-фарисейски сильный пинок. Какой-то дамский благотворительный кружок в одном таком случае об'яснил мне, что безнравственно иметь дело с такими людьми./

Так как реалистическое мышление, Fonction du réel, удовлетворение сложных потребностей действительности нарушается под влиянием болезни гораздо легче, нежели аутистическое мышление, которое выдвигается вследствие болезненного процесса на первый план, то французские психологи во главе с Жане предполагают, что реальная функция является наиболее высокой, наиболее сложной *).

*) Во Франции говорят также о „sens de la réalité", под чем понимают в первую очередь способность отличать действи-

Однако, ясную позицию занимает в этом отношении только Фрейд. Он прямо говорит, что в ходе развития его механизмы удовольствия являются первичными. Он может представить себе такой случай, что грудной ребенок, реальные потребности которого полностью удовлетворяются матерью без его помощи, и развивающийся в яйце цыпленок, отделенный скорлупой от внешнего мира, живут еще аутистической жизнью. Ребенок „галлюцинирует", по всей вероятности, об удовлетворении его внутренних потребностей и обнаруживает свое неудовольствие при наростающем раздражении и отсутствии удовлетворения моторной реакцией в форме крика и барахтанья, а затем переживает галлюцинаторное удовлетворение. С этим я не могу согласиться. Я не вижу галлюцинаторного удовлетворения у младенца, я вижу удовлетворение лишь после действительного приема пищи *), и я должен кон-

тельность от воображения. По сути вещей это нечто совершенно другое, но оно имеет, конечно, свое отношение к аутизму постольку, поскольку крайне аутистичный человек, как, например, шизофреник или истерик, находящийся в сумеречном состоянии, считает свои аутистические образования действительностью и поскольку для шизофреника понятие о реальности настолько чуждо, что даже нельзя поставить вопроса о том, считает ли такой больной что-нибудь реальным в смысле здорового человека.

*) Новорожденный реагирует во всех своих стремлениях на реальность и реагирует в духе реальности; если сосательный рефлекс наступает при соприкосновении рта с другим

статировать, что цыпленок в яйце пробивает себе дорогу не с помощью представлений, а с помощью физически и химически воспринимаемой пищи. Наблюдая более взрослого ребенка, я также не вижу, чтобы он предпочитал воображаемое яблоко действительному; имбецилл и дикарь являются настоящими реальными политиками, а последний (точно также как и мы, стоящие на вершине мыслительной способности) делает свои аутистические глупости лишь в тех случаях, когда его разум и его опыт оказываются недостаточными: в его представлениях о космосе, о явлениях природы, в его понимании болезней и других ударов судьбы, в защитных мероприятиях от них и в других сложных для него соотношениях. У имбецилла аутистическое мышление упрощено так же, как и реалистическое. Я нигде не могу найти жизнеспособное существо или даже представить себе такое существо, которое не реагировало бы в первую очередь на действительность, которое не действовало бы, совершенно независимо от того, на какой бы низкой ступени развития оно ни стояло; и я не могу себе представить также, чтобы ниже определенной ступени организации могли

предметом, (а не с грудью матери), то это следует, конечно, приписать лишь недостаточной способности к различению (я оставляю в стороне вопрос о том, происходит ли это сознательно или бессознательно); такая способность присуща всем рефлексам и в практическом отношении является достаточной для осуществления стоящих перед ними задач.

существовать аутистические функции. Для этого необходимы сложные способности к воспоминанию. Таким образом, психология животных (за исключением немногих наблюдений над высокостоящими животными) знает только реальную функцию.

Однако, это противоречие легко разрешимо: аутистическая функция не является столь примитивной, как простые формы реальной функции, но в некотором смысле она более примитивна чем высшие формы последней в том виде, в каком они развиты у человека. Низшие животные обладают лишь реальной функцией; нет такого существа, которое мыслило бы исключительно аутистически. Начиная с определенной ступени развития, к реалистической функции присоединяется аутистическая и с этих пор развивается вместе с ней.

Мы можем отметить в филогенетическом развитии некоторые этапы, хотя они, само собою разумеется, не имеют резких границ, отделяющих их друг от друга.

I. Постигание простой внешней ситуации и последующее действие: схватывание пищи, бегство от врага, нападение и т. п. Следовательно, речь идет здесь ни о чем другом, кроме как о рефлексах, которые могут доходить до определенной дифференцированности и сложности. Они сопровождаются чувством удовольствия и неудовольствия, но во всяком случае аффективность не играет еще здесь

никакой особенной роли; она является лишь изменением общего состояния, неразрывно связанным со специальным процессом (схватывание пищи, бегство)*).

II. Создаются картины воспоминания, которые используются при позднейших функциях, но только в результате внешних раздражений, при выполнении реалистических функций. Самостоятельное мышление, состоящее только из картин воспоминания сначала, конечно, исключается. Самые развитые картины воспоминания, которые мы знаем на низших ступенях, служат, разумеется, ориентировке в месте; не следует, однако, предполагать, что они остаются спорадическими.

В данном случае разнообразным аффектам, связанным с воспоминанием, дана уже возможность оказывать определенное влияние на выбор энграммы, которая должна быть экфорирована. Муравей выберет путь, который приведет его к добыче—не потому, конечно, что он „мыслит", что там будет чем поживиться, а потому, что соответствующий ряд энграмм заключает в себе положительно окрашенные чувства respective влечения.

III. Постепенно создаются все более сложные и более точные понятия, которые используются более независимо от внешних влияний, и

IV. Понятия комбинируются вне стимулирующего действия внешнего мира, соответственно на-

*) Bleuler, Affektivität. Marhold, Halle.

копленному опыту, в логические функции, в выводы, распространяющиеся с уже пережитого на еще неизвестное, с прошедшего на будущее; становится возможной не только оценка различных случайностей, не только свобода действия, но и связное мышление, состоящее исключительно из картин воспоминания, без связи со случайными раздражениями органов чувств и с потребностями.

Лишь здесь может присоединиться аутистическая функция *). Лишь здесь могут существовать представления, которые связаны с интенсивным чувством удовольствия, которые создают желания, удовлетворяются их фантастическим осуществлением и преобразовывают внешний мир в представлении человека благодаря тому, что он не мыслит себе (отщепляет) неприятное, лежащее во внешнем мире, присоединяя к своему представлению о последнем приятное, изобретенное

*) Если выросшая в одиночестве собака (Gérard—Varet, Revue Scientif., 1902, стр. 485) ведет себя по отношению к куску хлеба, как к щенку, стараясь согреть его и накормить его грудью, то это, может быть, лишь функция инстинкта, который за отсутствием настоящего об'екта направляется на неподходящий об'ект. Аналогичным образом поступает выросшая в неволе белка, когда она совершает движения необходимые, чтобы закопать орехи в твердую землю. Девочка же, которая обращается с куском дерева, как с ребенком, имеет уже представление о ребенке.

им самим. Следовательно, ирреальная функция не может быть примитивнее чем начатки реального мышления, она должна развиваться параллельно с последним. Чем более сложными и более дифференцированными становятся образование понятий и логическое мышление, тем более точным становится, с одной стороны, их приспособление к реальности и тем большей становится возможность освобождения от влияния аффективности, зато, с другой стороны, в такой же мере повышается возможность влияния эмоционально окрашенных энграмм из прошлого и эмоциональных представлений, относящихся к будущему. Многочисленные мыслительные комбинации делают возможным бесконечное разнообразие фантазий в то время как существование бесчисленных эмоциональных воспоминаний из прошедшего и столь же аффективных представлений о будущем прямо-таки вынуждают к фантазированию. С развитием их разница между обоими видами мышления становится все более резкой, последние становятся в конце-концов прямо противоположными друг другу, что может привести к все более и более тяжелым конфликтам; и если обе крайности не сохраняют в индивидууме приблизительного равновесия, то возникает, с одной стороны, тип мечтателя, который занят исключительно фантастическими комбинациями, который не считается с действительностью и не проявляет активности, и, с другой стороны—тип трезвого реального человека, который

в силу ясного реального мышления живет только данным моментом, не загадывая вперед.

Однако, несмотря на этот параллелизм в филогенетическом развитии, реалистическое мышление оказывается по многим основаниям более развитым, и при общем нарушении психики реальная функция поражается обычно гораздо сильнее.

Реальная функция не является прирожденной; в бо́льшей своей части она должна быть приобретена лишь в индивидуальной жизни. Предрасположение к образованию многих и строго ограниченных понятий является бесплодной потенциальностью до тех пор, покуда богатый опыт не даст материала для понятий и для разграничения их; точно также логическая комбинация должна быть приобретена опытом, и даже всеоб'емлющий гений не может принять во внимание все факторы, возникающие при обсуждении сложного вопроса, если опыт не показал ему, что может быть принято во внимание и что не может быть принято.

Следовательно, реалистическое мышление работает не с одной только прирожденной способностью („интеллект"), но и с помощью функций, которые могут быть приобретены путем опыта и упражнения индивида.

Как показывает опыт, такие функции могут быть гораздо легче нарушены, нежели те, которые заложены в организме.

Совершенно иначе обстоит дело с механизмами, которыми пользуется аутизм. Они являются при

рожденными. Аффекты, стремления оказывают с самого начала на нашу душевную жизнь такое же воздействие, какое управляет и аутистическим мышлением; они прокладывают мыслям путь, тормозят их соответственно своему собственному направлению и совершают без размышления выбор между различными возможностями реакций. Еще задолго до того, как ребенку исполнится год, мы находим у него, повидимому, сложные аффективные реакции. Он реагирует не только любовью и любовным отношением на любовь, не только страхом и слезами на угрозы, но и оскорблением, например, на оскорбление, и при этом он часто находит выражение, которое кажется весьма раффинированным и действительно было бы таковым, если бы оно должно было быть найдено логическим путем. Но ребенок реагирует, даже не понимая слов, уже на аффективное выражение у другого человека, и его аффект показывает ему без размышления и без опыта, что любви противопоставляется любовь, угрозе — упрямство или боязливое подчинение, и он автоматически приводит в действие не только прирожденные реакции (в виде ласки, удара и т. д.), но он распоряжается также соответственно своим целям тем небольшим материалом представлений, который он приобрел до настоящего времени.

Розеггер *) приводит следующий прекрасный

*) „Das Buch von den Kleinen", Leipzig, 1911, Staackmann. S. 107.

пример, касающийся его четырехлетней девочки: „Я чувствую себя сегодня очень усталым и не знаю почему“, сказал я матери. Гретхен вмешалась: „Папа, ты уже большой и не знаешь этого? Большие все знают“.—„Ах, ты маленькая невежа“, возразил я, „уж больше тебя я наверно знаю“.—„Увидим“, ответил ребенок. „Я хочу спросить у тебя, скажи-ка мне, папа, почему картины имеют рамы?“—„Потому что рамы являются принадлежностью картины“, гласил мой ответ, которым ребенок как будто удовлетворился. Затем он посмотрел на букет цветов, стоявший перед зеркалом, и спросил: „Есть ли бог также и в цветах?“—„Да, конечно, дитя мое“.—„Почему бог есть также и в цветах?“—„Потому что он есть везде“.—„Есть ли бог также и в цветах, которые видны в зеркале?“, спросила малютка. Я боюсь, что вы не поверите мне, но я уверяю вас, что четырехлетний ребенок по своей собственной инициативе и в этой самой последовательности задавал мне вопросы, а последним вопросом, который сделал бы честь философу, поставил меня в тупик. Если бог находится везде, то я должен был теперь сказать, есть ли он также в тех цветах, которых вовсе нет в действительности и которые видны лишь в зеркале. В ответ на это я и жена громко рассмеялись. Девочка смущенно посмотрела на нас: что ж тут смешного? Она хотела проверить мою хваленую мудрость. „Значит ты, папа, знаешь больше, чем я?“.—„Я знаю, что ты скверный моло

косос". Она задумалась на одно мгновение, потому что она весьма честолюбива, и сказала наконец: „Сосать молоко вовсе не стыдно, каждое маленькое животное сосет молоко".

Такой же аффективной реакцией является и ложь маленьких детей. Странно, что находятся такие воспитатели, которые не только испытывают моральное возмущение по поводу этих явлений, но и удивляются, как они могут иметь место в несложной детской психике. Однако, когда у ребенка спрашивают, взял ли он яблоко, и он знает, что если он ответит на этот вопрос утвердительно, то он будет наказан, а что если он ответит на этот вопрос отрицательно, то он не будет наказан, то в этом случае могут возникнуть две формы реакции. Одна из них заключается в том, что он с'ел яблоко и что необходимо в этом признаться; другая это — примитивная аффективная реакция, что нужно избежать чего-то неприятного. Таким образом, ребенок без особой моральной тренировки обычно следует своему аффекту, своему инстинкту *), подобно тому

*) Двадцатилетний политехник, который был уличен в незначительных кражах, который сначала отрицал свое преступление и энергично сопротивлялся своему аресту, вскоре после этого добровольно сознался в большей степени, чем это было необходимо. Когда его внимание было обращено на это противоречие, он сказал: „Я думаю, что только очень опытный преступник может сознаться во всем этом. Если человек сразу сознается во всем, то это, конечно, хорошо, однако это невозможно сделать в первый момент. Все в человеке против этого

как он кричит и извивается, когда ему хотят сделать болезненную физическую операцию, при чем совершенно бесполезно приводить ему логические доводы, что эта болезненная процедура принесет ему в будущем пользу. Удивляются также тому, что негр категорически отрицает воровство, в котором он вчера при других обстоятельствах признался. Для негра в этом нет никакого противоречия. Вчера он не понимал последствий своего признания или он ожидал прощения, а иногда и восхищения его поступком; сегодня же он видит, что он будет наказан. Из этого вытекает его поведение, и он так же вправе удивляться непонятливости европейца, как и европеец удивляется ему*). Если мы обратимся к животным, то мы увидим, что и собаки, например, умеют лгать.

Отговорки часто возникают, подобно лжи, следуя аффективному побуждению; привести отговорку гораздо легче, чем сказать правду, и отговорки

восстает, хотя впоследствии он охотно сознается в своем преступлении".

*) Клаач (Kongress für Kriminalanthropologie, Köln, Oktober 1911) характеризует между прочим австралийских негров следующим образом: недостаточная любовь к правде, лживость, вытекающая из неспособности отличать реальное. Некоторые индивиды превосходят в этом отношении остальных, это—колдуны-жрецы-лекаря. — Говорят, что Ведды не лгут. Если бы это было хоть отчасти так, то стоило бы заняться более детальным исследованием происхождения этой удивительной особенности.

отличаются иногда даже у маленьких детей удивительной сложностью.

Это поведение станет более понятным, если уяснить себе, что примитивная натура вообще не проявляет себя без аффективного основания. Язык является для нее ничем иным, как слугой желания. Такая натура весьма далека от мысли об‘ективно констатировать сущность дела в словах. Ребенок высказывается о том, что его интересует, что окрашено для него положительной или отрицательной эмоцией *). Если потребовать от ребенка констатирования факта вне такой связи, то он легко отказывается от этого. Собирание свидетельских показаний и опрос детей и дикарей не удается, потому что они отвечают не то, что соответствует фактам; руководствуясь своим чутьем, они говорят то, чего желает и чего ожидает от них расспрашивающий. В данном случае ответ обусловливается тоном вопроса, а не его содержанием. Если маленькие дети недостаточно понимают заданную им задачу, то в большинстве случаев они отвечают наугад. При таких условиях нередко приходится слышать „я не знаю“; этот оборот речи означает у детей гораздо больше, чем „я не могу ответить“. На арифметическую задачу они в большинстве случаев отвечают первым пришедшим в голову числом и не могут

*) Отдельные, сами по себе незначительные суждения ребенка оказываются имитациями того, что подсказывают ему взрослые и т. д.

понять, почему этот ответ находят неудовлетворительным. На вопрос, какая из двух линий больше, они отвечают, например, тем, что показывают на промежуток между линиями; если дать им две коробки и спросить, какая из них тяжелее, то они не сравнивая их, выбирают наугад одну из них и говорят, что она является более тяжелой. Такие реакции снова имеют место при шизофрении, но чужды взрослому нормальному человеку.

Прирожденный характер аутистических форм мышления обнаруживается особенно четко в символике. Последняя отличается повсюду невероятным однообразием, от человека к человеку, из века в век, от расы к расе, от сновидения вплоть до душевной болезни и до мифологии. В основе многих сотен сказаний лежит ограниченное число мотивов. Одни и те же немногие комплексы всегда дают повод к символике, и средства для выражения их точно также одинаковы. Птица, корабль, ящичек, который приносит детей и доставляет умирающих в первоначальное таинственное место, злая мать (мачеха) и т. д. всегда повторяются и повсюду обозначают одно и то же. Представление о круговороте жизни, в силу которого старые люди, уменьшаясь или не уменьшаясь в своем об'еме, снова попадают в чрево матери или в другое место, откуда появляются дети, встречается еще и в настоящее время в самостоятельно выработанном мировоззрении 2-х—4-х-летнего ребенка; это же самое представ-

ление встречается и в мифах и сказаниях, созданных тысячи лет тому назад. Другие представления, которые родители навязывают ребенку, не ассимилируются и остаются без всякого влияния на аутистическую фабуляцию, которая возникает и закрепляется иногда у детей, находясь в сознательном противоречии с родительским авторитетом.

Символы, известные нам из очень древних религий, мы вновь находим в бредовых образованиях наших шизофреников вне всякой связи с канувшими в вечность мирами. Разумеется, и в данном случае было бы неправильно говорить о прирожденных идеях; однако, каждый интересовавшийся этим вопросом не может отделаться от подобного представления, и во всяком случае в аутистической символике существует прирожденное всем людям н а п р а в л е н и е и д е й.

Однообразие аутистического мышления издавна бросалось в глаза также и в психопатологии бредовых систем. Может быть, мы здесь найдем тот ключ, который об'яснит нам также и удивительное однообразие символики. И в последнем случае речь идет точно также об аффективных механизмах, хотя они оказывают несколько иное действие чем те, которые непосредственно определяют направление бреда. Здесь аффекты допускают лишь такое мышление, которое соответствует их духу. При символике аффективная окраска управляет течением ассоциаций. По крайней мере, мы видим, что и

качестве символов мужских гениталий встречаются (в шизофрении исключительно, а в сновидении преимущественно) такие предметы, которые не только имеют какое-нибудь внешнее сходство с тем, что они должны обозначать, но которые возбуждают в то же время и некоторый страх. Следовательно, эмоциональный тон должен служить в данном случае связующим аффективным звеном. Можно ли обобщить это наблюдение и насколько это допустимо— это мне еще не совсем ясно. Этому способствует еще и то обстоятельство, что первоначальная ситуация всегда остается одинаковой. Так, например, ни в одном случае нет недостатка в различных поводах, которые могли бы внести во взаимоотношения матери и дочери элементы ревности и враждебности, в то время как большая близость между отцом и дочерью нарушается почти исключительно индивидуальными трудностями. Однако, враждебность между матерью и ребенком выступает с очевидностью лишь у мачехи или у свекрови и почти никогда не выступает у настоящей матери. Поэтому всегда легко может случиться так, что злая мать изображается в образе мачехи или свекрови.

Разумеется, аутистическое мышление тоже нуждается в материале, добытом с помощью опыта: для того, чтобы грезить о принце, нужно знать приблизительно, что принц—это человек, который может все иметь, в том числе и прекраснейшую принцессу, и которого в будущем ждет беспечная жизнь на

королевском троне. Чтобы грезить о богатстве, нужно знать, что за деньги можно купить много хороших вещей, и т. д. Однако, такие понятия приобретаются настолько легко, что они существуют уже в раннем детстве у каждого человека и могут быть уничтожены лишь при очень тяжелом органическом заболевании мозга. Более точные понятия и логически неизбежные связи являются прямо-таки препятствием для фантазирования. Ребенок может еще радоваться представлению, что он когда-нибудь станет принцем; взрослый же человек вынужден считаться с невозможностью осуществления этого желания, и только в крайнем случае, находясь в особенно веселом расположении духа, он может иногда сказать: „Если бы я был принцем, . . ". Важно также то обстоятельство, что для реалистической функции существует один только правильный результат, в то время как аутизм „располагает неограниченными возможностями" (Юнг) и может достигать своей цели самым различным способом. Таким образом, разница между хорошим и плохим функционированием, колеблющаяся даже в самых широких пределах, может показаться нам небольшой. В то время как между ошибочным решением арифметической задачи и правильным решением ее, между ошибочным и правильным умозаключением существует принципиальная разница, — сказка ребенка и сказка гения являются равноценными в отношении к ее аутистической цели и к суб'ектив-

ному осуществлению этой цели. Если понятия становятся неточными и логические функции недостаточными, то реалистическое мышление может вследствие этого привести только к неправильным результатам; однако, эти же самые недочеты не только не нарушают аутистическое мышление, а, наоборот, способствуют ему, допуская большую возможность мыслительных комбинаций, как-то: идентификаций и общеупотребительных символов. Таким образом, правильная комбинация является более высоким достижением, чем та, которая соответствует одному лишь желанию. Последнюю можно сравнить со стрельбой ради забавы, при которой должен раздаваться лишь треск от выстрела; первая же стремится попасть в определенную цель, и только в эту цель.

Если аутистическое мышление в общем и целом должно показаться вредным заблуждением, то каким образом столь юная в филогенетическом отношении функция могла получить такое большое распространение и силу, что аутистическое мышление управляет уже у многих детей в возрасте после двух лет большей частью их психических функций (игры, грезы на яву), что оно так легко выступает на первый план у взрослых людей и способно заставить целые народы и классы схватиться в жестокой уничтожающей борьбе и что при многих болезненных нарушениях реальной функции оно тотчас же может овладеть всей психикой в целом?

Следует прежде всего отметить, что весь животный мир стремится к удовольствию и избегает боли; получение удовольствия стало в суб'ективном отношении прямо-таки самоцелью. В общем и целом все, окрашенное удовольствием, является полезным для индивида или для рода, все же, что окрашено неудовольствием, является вредным. Однако, принцип, на котором построено существование животных и организация их психики, не может быть сразу оставлен, так как на определенной ступени наступает опасность применения нового принципа. Более высоко стоящий организм должен преодолеть эту опасность или погибнуть. Возможно также, что у него существуют уже тормозящие приспособления, которые препятствуют тому, чтобы аутизм получил перевес, но как бы то ни было настоятельные потребности жизни создают устойчивое равновесие*).

*) Прекрасный пример того, как вред, приносимый аутизмом, уравновешивается жизненной силой, сообщает Ниевенгуис (Quer durch Borneo, Leyden, 1907, Brill, Bd. II, стр. 486): Даяки, живущие в долинах на Борнео, происходят от горных даяков и переняли обычаи своих отцов. Однако, в отличие от своих братьев, живущих в горных странах, они пострадали от малярии. Если неблагоприятное предзнаменование (появление, например, определенной птицы) обозначает, что какое-нибудь предприятие кончится неудачей, то никакие силы не могут побудить их приняться все-таки за осуществление этого плана, вследствие чего путешественники оказываются часто в бедственном положении; однако, то же самое поверие не является для их физически более сильных соплеменников препятствием к осуществлению задуманного действия.

Между тем род должен разделаться с существованием аутизма в жизненно важных вопросах. Определенная степень аутизма легко может быть перенесена, и лишь переизбыток его становится губительным. Установить границу между умеренной степенью его и переизбытком очень трудно также и в данном случае; таким образом, аутизм даже в губительных формах его не может быть преодолен полностью. Даже самый интеллигентный культурный человек не может во всех случаях с уверенностью распознать, что мыслится, как реальность, и что является фантазией; в настоящее время стало возможным то, что в другие времена казалось невозможным. Умеренные потребители алкоголя считают проведение всеобщей абстиненции утопией. Наши выводы настолько отдаляются от материала, на котором они базируются, что каждый момент можно впасть в ошибку.

Таким образом, нельзя предположить, что это неограниченное поле аффективной деятельности будет когда-нибудь совершенно уничтожено вследствие критического отношения, тем более, что аутизм даже в том виде, в каком он существует в настоящее время, имеет положительную ценность. Раздражение, связанное с антеципацией удовольствия, вынуждает к размышлению до того, как будет предпринято действие, оно подготовляет к действию и приводит в движение энергию. В то время как низшие животные, с их незначительным запасом

представлений и рудиментарной памятью часто обнаруживают поразительно малую настойчивость в преследовании цели, человек может, сидя в пещере, воодушевляться для охоты, он заранее создает себе планы и приготовляет оружие, и эта деятельность переходит без резкой границы в собственное аутистическое мышление. Уже в предыдущие фазы развития человечества были люди, которые утоляли свою лишенную энергии жажду деятельности тем, что строили одни только планы. И если художники палеолитической пещерной эпохи, подобно Тиртею с его воинственными песнями, вызывали своими изображениями сцен охоты*) напряжение энергии, то уже в прежние времена, как и сейчас, могли существовать натуры, которые удовлетворялись аутистической охотой или войной, потому ли что они сами были художниками или же потому, что они воспринимали художественное творчество других людей. Я полагаю, что этот пример лучше всего показывает, где приблизительно проходит граница между вредным и полезным аутизмом и насколько она неопределенна. Искусство полезно, если оно возбуждает и повышает жизненную энергию, оно вредно, если оно занимает место действия и если эстетическая потребность получает перевес настолько, что человек не может справиться с ней,

*) Следует также вспомнить о военных танцах у индейцев; эти танцы, впрочем, часто вырождаются в аутистическое упоение.

не пользуясь художественными образами из окружающей его среды.

Такую же пользу приносит отреагирование. Во многих случаях невозможно отреагировать во вне неприятные переживания соответствующим образом, невозможно добиться любви женщины, которая принадлежит другому, невозможно убить клеветника, как это следовало бы сделать и т. д. Но так как наш организм все же стремится освободиться от таких раздражений, то реакция может использовать для этой цели фантазию, сновидение, художественное произведение. Однако, опасность преувеличения такой реакции очень велика, и есть немало таких людей, которые после разочарования отказываются от участия в жизни и не могут справиться с внутренним отреагированием.

Дальнейшая польза аутизма заключается в том, что он представляет благодарную почву для упражнения мыслительной способности. Ребенок умеет гораздо меньше, чем взрослый человек, рассуждать о том, что возможно и что невозможно. Однако, в его фантазиях его комбинаторные способности повышаются настолько же, как и его физическая ловкость в подвижных играх. Когда ребенок играет в солдата или в маму, то он упражняет необходимые комплексы представлений и эмоций аналогично тому, как играющий котенок подготовляет себя к охоте за животными. Однако, в данном случае существует опасность, что в нужный момент

невозможно будет освободиться от грез для того, чтобы совершить прыжок в действительность. Эта опасность всегда является камнем преткновения, например, для лиц, страдающих псевдологией.

Однако, небольшая степень аутизма должна быть также с пользой привнесена в жизнь. То, что относится к аффектам вообще, оказывается действительным также и в отношении к частному применению их механизмов. Определенная односторонность полезна для достижения некоторых целей. Нужно представить себе цель более желанной, чем она есть на самом деле, чтобы повысить свое устремление к ней; не нужно детально представлять себе все трудности и их преодоление, в противном случае человек не сможет приступить к действию до ясного размышления, и энергия его ослабеет. Истинное воодушевление немыслимо без аутизма, частью как сопутствующего симптома, частью как усиливающей причины. Кто хочет увлечь за собой массу, тот не только не должен говорить или думать о предстоящих препятствиях, он не должен даже чувствовать их.

Таким образом, аутистическое мышление и в будущем будет развиваться параллельно с реалистическим и будет в такой же мере содействовать созданию культурных ценностей, как и порождать суеверие, бредовые идеи и психоневротические симптомы.

РЕЗЮМЕ.

Существует мышление, которое не зависит от логических законов и управляется вместо них аффективными потребностями (аутистическое мышление).

Оно выражено ярче всего в раннем слабоумии и в сновидении, затем в мифологии и суевериях, в грезах на яву у истериков и у здоровых людей, а также в поэзии.

Аутистическое мышление может использовать для своих целей материал, лишенный всякой логической связи; ассоциации по созвучию, случайное совпадение каких угодно восприятий и представлений могут занимать место логических ассоциаций. Не вполне продуманные понятия, ложные идентификации, сгущения, передвигания, символы, которые получают свою ценность от реально существующих вещей, и аналогичные анормальные психизмы образуют отчасти тот материал, которым пользуется аутистическое мышление. Однако, само собой разумеется, что наряду с анормальным материалом используется также и нормальный материал и нормальный ход мыслей.

Соответствующее реальности логическое мышление является мысленной репродукцией таких связей, которые доставляет нам действительность.

Аутистическое мышление управляется стремлениями; оно протекает в духе стремлений, не счи-

Аутистическое мышление, точно также как и логическое, может быть сознательным или бессознательным. Однако, при раннем слабоумии до сознания доходят преимущественно готовые результаты аутистического мышления в форме галлюцинаций, первичных бредовых идей и обманов чувств. Выработка их происходит в бессознательном.

Быть может, существует мышление, которое следует назвать аутистическим и которое в большей мере удовлетворяет логические потребности нелогическим путем (например, некоторые элементы мифов и символики), при чем аффектами оно управляется лишь в незначительной степени.

Аутистическое мышление не является примитивной формой мышления. Оно могло развиться лишь после того, как мышление, работающее с помощью одних только картин воспоминания, берет верх над немедленной психической реакцией на актуальные внешние ситуации.

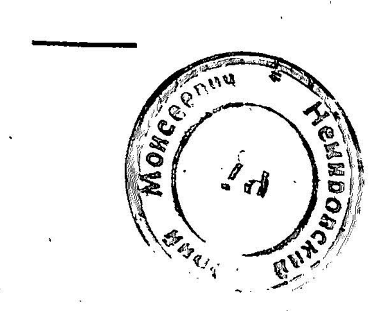
Обычное мышление, Fonction du réel, является первичным и столь же необходимо всякому наделенному психикой жизнеспособному существу, как и действие, соответствующее реальности.

Что ослабление логического мышления приводит к преобладанию аутистического мышления, само собой понятно еще и потому, что логическое мышление, работающее с помощью картин воспоминания, должно быть приобретено путем опыта, в то время как аутистическое мышление следует прирожденным

механизмам. Последние могут использовать какой угодно материал представлений согласно присущим каждому существу законам.

Что аутистическое мышление играет такую большую роль и не может быть уничтожено путем критики, проистекает, с одной стороны, оттого, что для ограниченного человеческого разума невозможно провести границу между реалистической и аутистической фантазией, и, с другой стороны, оттого, что и чистый аутизм тоже приносит свою пользу в виде упражнения мышления подобно тому, как физическая игра упражняет физические способности.

Тем не менее, филогенетическое значение аутизма в некоторых отношениях нам еще не совсем ясно, как, например, его влияние на искусство.

Цена 80 к.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Д-р С. ФЕРЕНЦИ. Интроекция и перенесение.

Д-р М. ВУЛЬФ. Фантазия и реальность в психике ребенка.

Проф. З. ФРЕЙД. Психоаналитические этюды.

Д-р Я. КОГАН. Отождествление и его роль в художественном творчестве.

Проф. Е. БЛЕЙЛЕР. Аутистическое мышление.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

ОДЕССА, ул. Лассаля, 26 Книгоиздательство „СВЕТОЧ“.
Телефон 33-46.

МОСКВА, ул. Герцена, 24. Коопер. Т-во „НОВАЯ ЖИЗНЬ“.
Телефон 53-77.